

ЗНАМЕНИТЫЙ роман финского писателя А. Киви «Семеро братьев» иллюстрировал знаменитый финский художник А. Галлен-Каллелы. Рисунки словно срослись с романом, выразили его сущность. Большие, неуклюжие, в домотканых портах и рубахах, с кудлатыми льняными головами, бродят семеро парней по лесам и долам, пахнут землю, убивают медведей, голодают, паскут, сквернословят, рассказывают поэтичнее сказки... Семеро братьев из спектакля, поставленного В. Иамаари, словно сошли с этих галленовских рисунков. И в то же время театр не просто «оживляет» иллюстрацию. Спектакль живописен по-своему — живописностью сцены он самостоятелен по отношению к Киви и Галлену, потому что раскрывает характеры братьев своими сценическими средствами.

Инсценировать «Семерых братьев» было и легко, и трудно — легко потому, что написан роман красочными диалогами, которые так и просятся на сцену. А трудно оттого, что книга эта, которую вообще-то романом можно назвать очень условно, по природе своей эпична, а не драматична; действие ее — не столько в раз-

Театр простой и человеичный

витии и столкновении характеров, требуемых драмой, сколько в странствиях, в борьбе с природой и дикими зверями... Режиссер и не пытался насильственно драматизировать спектакль; он построил его как цепь эпизодов, связанных между собой не столько единым сюжетом, сколько поэтически народным мироощущением, которым и наполнен прекрасный спектакль Финского национального театра. Его семеро братьев — простодушный силач Юхани (М. Ромпанен), рассудительный Аапо (Т. Манни), набожный Симеоли (Э. Химиялянен) и другие — это и живые, разные люди со своими характерами и мыслями, и в то же время они сливаются в единый образ наивного и робкого, смелого и осторожного народного богатыря.

Спектакль идет неторопливо, подробно — как рассказывается вечером у печки сказка о минувших временах. Братья борются, пьют пиво, приходят все семеро спастись к одной девушке и, разъяренные отказом, вываливаются один за другим из маленькой избушки, сидят за столом у

пономаря и нудно зубрят букварь, парятся в бане, наслаждаясь венниками, рассказывая про злых духов, сами пугаясь этих рассказов...

Добрая сказочность, условность переплетаются в спектакле с изумительной бытовой достоверностью каждой детали оформления художника Л. Лехто и каждого персонажа, будь то пономарь (Х. Салин) с его стремлением походить на горожанина, или маленькая пономаревна внучка (Э.-К. Воланен), или безымянные парни — соперники братьев. Душа народа, его быт, его поэзия раскрываются в «Семерых братьях» в чудесном сочетании сказочности и правды, условности и жизни.

Этой простоте, достоверности характеров не изменяют театр и режиссер Э. Каллима и «Чайка».

...Дом ветх и обшарпан, больной старик сидит в кресле, хозяйство беднеет, леуемело, бродит по камышам Треслен с ружьем за плечами, не зная, куда девать себя от тоски... Так старина свою первую «Чай-

ку» Художественный театр, а от нее пошла «Чайка» всего мира, в том числе и эта, финская, с ее простотой, сдержанностью, слишком северным пейзажем... И главное, что роднит этот спектакль с лучшими традициями Художественного театра, — это полнота нерасположения в образ, слияние с ним всех исполнителей — от выхоленной, молящейся Аркадиной — Р. Луома до потренированной четы Шамраевых — Х. Салин и А.-И. Ноткола. Эта естественность исполнения, сдержанность и в то же время тревога, ощущаемая всеми героями пьесы и всеми исполнителями ролей, и создают атмосферу спектакля, неповторимый ритм его, вроде бы замедленный, спокойный и в то же время напряженный, в котором естественны не только хождение Шамраева или постукивание дото, но и выстрелы, нарушающие призрачную тишину.

А главное в спектакле Нинна — Эна-Калари Воланен. Выходит на сцену девушка с радостными, ожидающими глазами, в платье цветочками, с двумя коса-

ми, по-детски переязанные белыми лентами. Кажется, что она не произносит чужие, заученные слова, но слова эти рождаются у нее вот сейчас, в этом смущенном знакомстве с Тригоринным, в улыбке, обращенной к Сорину, — так сливается актриса с образом, так непосредственны у нее и наивность, и робость, и радость молодости.

Милая девочка с провинциальным смущением перед известной актрисой и настоящим писателем. Монолог «Люди, львы, орлы и куropатки...» она произносит заученно, как дети читают стихи, — на голову «мировой души» накинута голубой шарфик, из-под него видны косы с детскими бантиками... Потом — первое смятение, отъединенность от Треслена, радость «настоящей любви», ожидание новой жизни, в которой сливаются Москва, Тригорин, снова входит в старший дом тоненькая женщина в черном поношенном платье. Лицо бледно и устало, движения тонких рук неуверенны...

Молодая актриса не

упрощает путь Нинны, не делает ее в финале «взлетевшей чайкой», уверенной в своем призвании. Она играет женщину, достойно несущую тяжелый крест. Снова читает она монолог о людях и львах, читает глуховатым, глубоким голосом, приложив к груди худые руки. Потом накидывает платок и — тонкая, прямая — уходит в свой трудный путь. Такой Чехов, сыгранный на чужом языке, очень близок нам, близок своей трепогой и раздумьями о жизни, строгостью и напоминанием о том, как тесно переплетены друг с другом судьбы людей. Умный, строгий, интеллектуальный спектакль. Но спектакль того же театра, который показал наивную, добрую притчу о семерых братьях. Очень разные спектакли рождает внимание к человеку, уверенность, что и в каждом из людей живет свое, неповторимое, необыкновенно интересное, надо только суметь рассказать об этом. Роднит стремление к искусству простому, «естественному», выражающему человеческую душу. Вот — главное в спектаклях финского театра, которые смогли оценить московские и ленинградские зрители.

Е. ПОЛЯКОВА